

ПАНОРАМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Море, еще не унявшееся после шторма, натило на берег рыжую от взбаламученного грунта пену. Горы кутались в лохмотья уходящих туч, но вот прорвалась хмарь,глянуло солнце, и синие блики упали с небес на воду. Море заиграло рыжим и голубым — и вдруг из зловеще-неприглядного стало удивительно красивым.

— Вот в такие минуты и приходят поэтические строки, — сказал Тарба.

— Контрапункты в природе и в душе?

— Именно так. И выскажется искра. Удивительно: лучшие строки и самые удачные образы почему-то приходят ко мне на этой тропе.

Мы шли по просыхающей после дождя дороге. Легко дышалось. Легко говорилось. Новый роман. Ивана Тарбы тогда только что был переведен на русский и готовился к изданию в Москве.

А вечером я открыла один из его поэтических сборников и нашла там подтверждение многому, о чем говорили мы в связи с прозаической нингой. И теперь, передавая читателю наш разговор, буду цитировать строки этих стихов.

Первый мой вопрос и был как раз об этом:

— Как совмещаются поэзия и проза? Соседствуют ли на рабочем столе или уступают друг другу место?

— В издательство «Советский писатель» сдал сразу две книги — роман «Глаза моей матери» и сборник стихов и поэм. На прозу смотрю теми же глазами, пишу ее той же рукой, что и поэзию.

Когда работаю над прозой, приходят маленькие лирические эскизы, пейзажи в стихах. Мне кажется, они помогают поэтически мыслить и в прозе. Но зато, когда роман кончен, стихи и поэмы — как долгожданная встреча после разлуки. Сейчас опять пошла полоса стихов, но уже вынашиваю новую прозаическую книгу, как мать — свое будущее дитя.

— А ваш предыдущий роман «Солнце встает у нас» как-то связан с книгой «Глаза моей матери»?

— Это не диалогия. Хотя действие происходит в том же селе Новолуние, которое стоит с незапамятных времен с развернутыми плечами гор, одетое в зелень, как великан в абхазскую бурку. Но здесь поэтический образ села, родины моего героя молодого художника Алхаса Анбы, несет еще большую смысловую нагрузку, чем в предыдущей книге. И старый пастух Харзаман, совесть села, хоть реже появляется на страницах книги, но еще сильнее доказывает своими поступками, что он — олицетворение справедливости.

Негромки наши старини. Немало их окрест. И, словно их дела, крепки Осанна их и жест. ...Они и в горе — как гора, И мудрость их светла.

И другой старик, виноградарь Батал Карба (он появляется только во втором романе). Руки Батала, которые так старался запомнить молодой художник, работая рядом с ним на плантации, руки, которые сумел он потом так сильно изобразить в своей картине, открыли ему простые истины: всюду нужен свой талант, человеку должна идти работа, как идет наряд красивой девушке, и еще: когда че-

чи инструктором обкома партии, министром просвещения республики, работая долгие годы в Союзе писателей Абхазии и теперь вот в республиканском совете профсоюзов. Могу сказать, что Новолуние — это собирательный образ родины. Земля питает художника. Да, впрочем, и каждого человека. Ведь и в космос земля нас подняла! Пейзажи Новолуния — это не только сюжеты для картин моего героя. Ощущая

его героя то, чего не могу сделать сам. Я, как и он, рано потерял мать, как и он, помню ее предсмертный, полный тревоги и заботы взгляд. Меня тоже растила бабушка и дала мне единственную оставшуюся от матери фотографию, где она в черном, на чьих-то похоронах, волосы распущены, а глаза смотрят вниз. И как ни стараюсь я — не могу увидеть ее лицо озаренным их светом.

Вышло так, что эпиграф появился раньше книги, когда еще не было написано ни строки. Но он так соответствовал замыслу романа, выражал его сущность, что и подсказал название. В «Новом мире» к 100-летию со дня рождения Аветика Исаакяна были опубликованы его «Мысли о жизни и искусстве», и там я увидел эти строки: «Самое красивое на свете — это глаза матери». Глаза матери — это моя совесть, они всегда со мной. И этот юноша, художник Алхас Анба, который, как

КНИГА ВЫШЛА В СВЕТ

Иван ТАРБА:

МОЕ

НОВОЛУНИЕ

ловек на своей земле, они вдвоем, как мать и дитя, если же окажутся врозь, то оба становятся сиротами.

Харзаман Ахба и Батал Карба — носители лучших народных традиций, наделенные природной культурой, мудростью и тактом, притом не консерваторы, не цепляющиеся за старое, а поддерживающие молодые, свежие ростки. Откуда я знаю их? Я помню моего деда, помню, как работал он на винограднике. Его трудолюбие, совесть и отзывчивость хотел я здесь увековечить. Но нельзя сказать, что Батал или Харзаман — это портрет деда. Я звал и других старых абхазцев.

Да остается с внуком дед. С горячностью — совет, Да будет юный с тем, кто сед, — И до скончанья лет!

— Село Новолуние — это ваша родина?

— Нет, я не родился там. Но я передал свое отношение к абхазскому уголку, который живет в моем сердце, хоть в последнее время не часто там бываю. Да и название у него другое. Туда привезли меня после смерти матери, и там я рос. Хорошо знаю свою Абхазию. Всю ее изъездил, работая в районной газете, буду-

свое село сердцем, он постигает всю целительную силу родной земли.

О, земля моих предков, тобою храним, Я пытаюсь быть слабым Антеем твоим! Я твердить о любви к тебе вечно готов, Но, пойми, не хватает для этого слов.

— Значит, в какой-то степени ваша книга автобиографична?

— В значительной. Хотя мой герой — это не я, он годится мне в младшие сыновья, этот чистый юноша, умеющий глубоко любить и мужественно бороться, безусловно, с легким юмором рассказывающий о событиях своей жизни. А события вкратце вот какие: Алхас заканчивает художественную академию и едет в Сухуми, столицу Абхазии. Не найдя лучшего применения своему таланту, попадает в руки халтурщиков (ведь есть художники работающие и художники зарабатывающие). Прикрываясь его именем, они в конце концов его же и подставляют под удар. Но бывший учитель — художник, и односельчане подсказывают Алхасу верный путь: только на родине, в Новолунии, он может узнать жизнь и людей, найти настоящие темы для творчества и осуществиться как мастер. Выставка его работ, где наряду с лирикой в живописи наличествует и сатира, еще больше обостряет нравственные противоречия среди жителей села, обнажает сущность зарвавшегося председателя, но герой находит в себе твердость не отступить. Он зреет как художник и гражданин.

И тут, пожалуй, вот в чем автобиографичность: мой герой — художник, и его мысли, его ощущения, может быть, даже не высказанные, — это, естественно, мысли автора — о творчестве, о месте художника в реальности, которая не бывает без конфликтов. И, конечно, не случайно, что я, писатель, выбрал на сей раз героем тоже человека так называемой свободной профессии. Я убежден, что свободных профессий нет. Если художник отображает жизнь, он не может быть свободным от этой жизни и от своей позиции, которую он обязан иметь.

И еще мой роман автобиографичен потому, что, назвав его «Глаза моей матери», я сделал руками и сердцем сво-

и я, в трудные часы слышал голос матери, внимал ему, сумел так нарисовать ее портрет, вдохнуть жизнь в ее взгляд, что даже бабушка и отец сказали — это она!

Я имя материнское храню, Его я не ронял, не уроню. И если честным я иду путем — Ты спутница в движении моем.

Роман Ивана Тарбы «Глаза моей матери» только что вышел в свет. И я решила взять короткое интервью у Василия РОСЛЯКОВА, который перевел книгу на русский язык.

— Я перевел книгу — и как будто бы побывал на этой земле, в горной абхазской деревне. Думаю, Владимиру Солоухину, переводившему роман «Солнце встает у нас», было легче. Он с автором много ездил по Абхазии, к тому же он сам поэт. А переводить прозу поэта не просто. Мне иногда казалось, что некоторые строки Тарбы написаны верлибром. Образное сцепление слов происходит там по законам поэзии. Моей задачей было перевести это на язык прозы, но сохранить образность. Не знаю, удалось ли.

Я сказал, что перевел книгу и будто побывал в Новолунии, увидел его жителей, его великодушных стариков. Что дало мне, не бывавшему в абхазских деревнях, ключ к пониманию их сути? Пусть это не покажется странным — характер моего старого знакомого из Ставрополя дяди Тимохи. Его трудовые руки тоже достойны картины самого лучшего художника. По природе своей он не может плохо работать. И он тоже сама совесть и справедливость, тот пробный камень, тот экран, который высвечивает — что белое, что черное. И сложности человеческих взаимоотношений в хорошо знакомых мне деревнях на Владимирщине похожи на те, что в абхазской деревне. И председателей подобных я там встречал, и секретарей райкомов, которым, бывает, не чужды человеческие слабости. А главное — трудовой человек, душа его, заботушка его о родной земле, врожденное чувство прекрасного всюду — в любой точке страны, куда ни коснешься на карте, — это то, что объединяет всех нас, обогащает и утверждает в нашем единстве.

Беседу вел
Алла ЛАСКИНА